

УДК 378

КОНКРЕТНЫЙ ЧЕЛОВЕК И ЭПОХА: ОПЫТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА (К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА С. Н. ФИЛЮШКИНОЙ)

М. К. Попова

Воронежский государственный университет

Поступила 28 октября 2016 г.

Аннотация: на примере истории формирования личности профессора С. Н. Филюшкиной рассматривается влияние социокультурных особенностей эпохи на формирование личности ученого-гуманитария.

Ключевые слова: противоречивость 1930-х годов, культурная традиция XIX–XX веков, ценность образования.

Abstract: the influence of epoch's social and cultural atmosphere on the formation of a scholar is analyzed on the basis of professor's S. N. Filushkina's life story.

Key words: 1930th as a contradictory period, XIX – the beginning of the XX century cultural tradition, the value of education.

Объектом анализа в настоящей статье является влияние эпохи на судьбу отдельного человека, работающего в сфере гуманитарных наук. Предметом – судьба литературоведа-зарубежника в социокультурном контексте советской эпохи, материалом – история формирования личности доктора филологических наук, профессора кафедры зарубежной литературы филологического факультета Воронежского государственного университета Светланы Николаевны Филюшкиной.

Методология исследования основывается на двух традициях. Первая восходит к IV в. до н.э., когда зародился биографический жанр. По свидетельству С. С. Аверинцева, «почин» ему «был положен Аристоксеном из Тарента», который создал первые жизнеописания философов, «а также флейтистов и трагических поэтов» [1]. В дальнейшем в эллинистическую эпоху «излюбленными героями биографий были также **поэты, риторы, историки, грамматик**, даже врачи (только одному Гиппократу посвящено три дошедших жизнеописания)» [там же]. Таким образом, первыми героями биографического жанра стали представители гуманитарной сферы. (Справедливости ради стоит сказать, что скоро к ним присоединились монархи.) «Биографии **философов и поэтов, грамматиков и раторов** продолжают возникать и в римскую эпоху, как по-гречески, так и по-латыни» [там же]. Античное жизнеописание основывалось

на традиции похвального слова, которое «отрабатывало композиционную матрицу, впоследствии характерную для биографии (предки, события жизни, черты характера)» [там же]. Отчасти эта матрица будет использована и в данной публикации. Однако же из классического, проверенного временем учебника по античной литературе И. М. Тронского мы знаем, что в Древней Греции «личность прежде всего понималась статически», что «античность... никогда не изображает процесса становления личности» [2, с. 238]. Наша задача несколько иная – показать на конкретном примере взаимосвязь личности и эпохи, влияние на человека времени и общества. Следовательно, античная традиция, при всем к ней уважении, нам не совсем подходит.

Вторая упомянутая нами ранее традиция сложилась в XIX в., когда И.Тэн выдвинул свою знаменитую концепцию, сводимую к фразе «раса, среда, момент». Автор пятитомной «Истории английской литературы» и один из основоположников культурно-исторического метода в литературоведении И. Тэн под «расой» понимал, как считают современные исследователи, «врожденный темперамент, равно свойственный индивиду или целому народу» [3]. Слова «среда» и «момент», полагаем, объяснения не требуют. «Подводя итоги понятию “среда”, Тэн говорит о том, что географические, исторические, социальные факторы значат для нации то же, что для индивида – место проживания, воспитание, семья, профессия и об-

© Попова М. К., 2017

щественное положение» [там же]. «**Момент** (выделено З. Кирнозе и В. Зусманом. – М. П.) у Тэна – это исторический уровень культуры и традиция» [там же]. Напомним также известное изречение: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Таким образом, приступая к заявленной теме, мы основываемся и на античной традиции, и на популярном в XIX столетии детерминизме.

Полагаем, что Светлана Николаевна может с полным основанием отнести к себе фразу «Я была тогда с моим народом, / там, где мой народ, к несчастью, был». Ей довелось пережить разные эпохи: конец сталинских 30-х, Великую Отечественную войну, радостный всенародный подъем после Победы, 50-е с XX съездом, хрущевскую оттепель, брежневский застой, перестройку и 90-е, полтора десятилетия пока слабо осмысленных 2000-х. И атмосфера каждого периода так или иначе отразилась в личности и деятельности Светланы Николаевны.

Аксиому «все мы родом из детства» никто не отменял. Ранние годы жизни нашей героини пришлись на сложное время. С одной стороны, страна совершила резкий рывок вперед, советская власть обеспечила своего рода «социальные лифты» для многих. Профессор Филюшкина гордится тем, что ее мать Александра Степановна, которая происходила из крестьянской семьи и была одной из семерых детей, а также ее сестры и брат получили высшее образование, впоследствии среди ее родственников по материнской линии было два кандидата и один доктор наук. Советский «социальный лифт» сработал и для Николая Васильевича Филюшкина, ее отца. С 13 лет он работал токарем, затем закончил рабфак и учился в Нижнем Новгороде в сельхозинституте – где и встретился с будущей женой и будущей мамой Светланы Николаевны.

Это одна сторона эпохи. Но была и другая. Дед Светланы Николаевны по матери, Степан Дмитриевич Комаров, умер в тюрьме в конце 1930-х. Талантливый человек, до революции 1917 г. он работал в земстве, самостоятельно освоил итальянскую бухгалтерию, организовал в селе пожарную команду. Он был репрессирован за то, что в кругу товарищей-крестьян предложил шутивную расшифровку сокращения «Торгсин»: «Товарищи, опасность, революция гибнет, Сталин – изменник народа». Имел неосторожность не просто произнести это вслух, но и записать на бумажке, которую затем скомкал и выбросил. Кто из окружающих его людей, которых Степан Дмитриевич считал друзьями-товарищами, донес, по сей день не известно.

В 1936 г. Николай Васильевич, отец нашей героини, был третьим секретарем обкома комсомола в Воронеже. В тревожное время сталинских чисток ему грозила серьезная опасность. Шесть раз московское руководство требовало исключить его из ВКП (б), однако партийная ячейка неоднократно голосовала против. В конце концов, исключение все-таки состоялось. От ареста Николая Васильевича, по-видимому, спасло то, что Александра Степановна вместе с маленькой Светой уехала работать в Хоперский заповедник, а муж к ним присоединился, скрывшись таким образом с глаз всевидящего руководства. До войны родительская семья Светланы Николаевны жила в доме, расположенном в районе нынешней Университетской площади. Дом, находившийся на территории левого крыла нынешнего главного корпуса ВГУ (чем не символическая деталь!), был заселен представителями местной номенклатуры. Мать будущего литературоведа неоднократно видела, – а позднее рассказывала дочери, – как арестовывали их соседей, ответственных советских и партийных работников. Но и в это страшное время были примеры удивительной человеческой порядочности. После ареста одной из соседок по фамилии Зафранская, ее дочь-старшеклассницу по имени Теличка, выгнали из квартиры. Заботу о ней взяла на себя бывшая домработница родителей, которая устроилась на другую работу, чтобы содержать девочку и дать ей возможность окончить школу.

Предполагаю, что тревожность «среды и момента» вошли в подсознание Светланы Николаевны буквально с молоком матери. Не оттуда ли присущая нашей героине склонность к алармическим настроениям, ожиданию худшего. Но оттуда же – склонность верить в то лучшее, что она стремится найти в каждом человеке.

В войну женская часть «расширенного» семейства, включавшего мать, бабушку, тетку, двоюродную сестру Светы, оказалась в Сталинградской области. Отец, к тому времени восстановленный в партии, прошел всю войну политруком. Уезжали еще до эвакуации Воронежа, поэтому смогли что-то увезти с собой, в частности «Хижину дяди Тома», которая для Светы и ее двоюродной сестры Майи сыграла роль настольной книги. Другой настольной книгой стало «Золотое руно и мифы Древней Греции», которое где-то мама раздобыла для любознательной дочери. Выходные данные этой книги показательны: М.; Л.: Детская литература, 1941; тираж 50 тыс. экземпляров. «Золотое руно» стало и букварем, и тетрадкой, и источником знаний по истории культуры. По этой

книге учились читать (и научились! Светлана читала с четырех с половиной лет), потом ее многократно читали-перечитывали, а на пустых местах страниц писали и рисовали. От знакомых к Филюшкиным попала книга «Что рассказывали древние греки о своих богах и героях» (пересказ Николая Альбертовича Куна). Первое издание вышло в Москве еще в 1914, именно оно и было у маленькой Светы (сегодня есть переиздания 1992, 1996, 2010 г.). Эта книга также была изучена нашей героиней от корки до корки. Совершенно очевидно, что эти детские книги во многом определили, как считает и она сама, судьбу Светланы Николаевны. Прекрасное знание древнегреческой мифологии очень помогло ей впоследствии при чтении курса античной литературы.

В связи с книгой Куна 1914 г. издания необходимо пояснить, что, с нашей точки зрения, одним из факторов формирования личности, являющейся здесь материалом анализа, явилась органичная связь с великой русской культурной традицией XIX – начала XX в., связь, передававшаяся из рук в руки, из уст в уста. Для Светланы Николаевны – это и упомянутая выше книга, и мама, учившаяся в дореволюционной гимназии, и Теклемена Францевна (Татьяна Федоровна) Павлович. Этническая литовка, она бежала в Воронеж от ужасов первой мировой войны. Здесь она преподавала в Пединституте, вышла замуж за человека (видимо, инженера), который строил КВЖД и был репрессирован. Во время Великой Отечественной войны Теклемена Францевна уже в Воронеже попала в немецкий плен, вернулась оттуда «голая и босая», пешком – и попала в Анну, к Филюшкиным. Александра Степановна взяла ее на работу сторожем совхозного сада и пригласила жить в свою сторожку. Так и прожила Теклемена Францевна в семье Филюшкиных в общей сложности 10 лет. И, конечно, занималась с маленькой Светой.

В Сталинградской области Филюшкины жили голодно и скудно – как большинство в то время. В январе 1943 г. возвратились в Воронеж. От того, что оставалось в квартире, сохранилась только обгоревшая кровать, в которой до войны спала маленькая Света, Александра Степановна нашла ее в руинах разбомбленного дома. Вид Воронежа после освобождения был страшен и не мог не вызывать самых горестных чувств. Однако – и Светлана Николаевна хорошо это помнит – ни у нее, ни у окружающих не было и тени сомнения в том, что город будет восстановлен. Шестилетнюю Свету убедил в этом дом на проспекте Революции, на фасаде которого чудом сохранились яркие декоративные изразцы (исторически – это гостиница «Центральная» или гостиница Самофалова).

Для взрослой Светланы Николаевны по сей день важное эмоциональное значение имеет факт, о котором она узнала от отца. В его родном селе Лазарево (Муромский район Владимирской области) годы спустя после войны был установлен обелиск в память об односельчанах, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. На нем значится имя брата Николая Васильевича, Ивана Филюшкина – и еще четверых Филюшкиных, родственные связи с которыми у Светланы Николаевны давно утрачены. Но все они – Филюшкины, представители одного рода, принадлежностью к которому гордится героиня настоящей работы.

Детство, особенно детство советское, – это не только семья, но и **школа**. Обстоятельства этой стороны детства Светланы Николаевны тоже были непростыми и тоже отражают эпоху. Осенью 1944 г., когда ей должно было исполниться 8 лет, девочка самостоятельно отправилась записываться в школу. Мать и дочь в это время жили под Анной, Александра Степановна работала агрономом в плодоовощном совхозе. Света, пройдя до школы 4 км, заявила учителям, что хочет поступить сразу во 2 класс, мотивируя это тем, что уже прочитала многие произведения А. С. Пушкина, «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, один том «Войны и мира» Л. Н. Толстого (других книг просто не было). Во 2 класс ее взяли. Шла война, условия жизни были более чем скромными, но закон об образовании действовал – детей в школе было много, сидели по 3 человека за партой. Однако проучилась Света недолго. Наступили холода, 4-километровая дорога до школы оказалась не по силам плохо одетому и плохо питавшемуся ребенку. Учебу пришлось продолжить дома. Александра Степановна написала дочери таблицу умножения, а для осваивания палочек и крючков под рукой было «Золотое руно». У многих современных первокурсников при слове «школа» не возникает ассоциаций с учителями. А вот Светлана Николаевна помнит свою первую учительницу – Елену Владимировну Хоперскую, которая время от времени приходила в садовую сторожку, где жила ее ученица, и проверяла ее успехи. После окончательного возвращения в Воронеж Света Филюшкина пошла в школу № 2, в 4 класс которой ее приняли безо всякой бюрократической волокиты. В связи с переездами семьи с одной квартиры на другую Светлане пришлось поменять несколько школ – до 9 класса она училась в школе 32, затем – в 37-й, которую окончила с золотой медалью. Переход из школы в школу тоже таил в себе судьбоносные обстоятельства. В 32-й школе преподавали английский язык, в 37-й – французский. За летние каникулы с помощью мамы, которая

когда-то учила французский в гимназии, девочка освоила все школьные учебники по французскому языку. В результате и в школе, и в университете Светлана Николаевна изучала – и сдавала – два языка, что для будущего специалиста по зарубежной литературе было, несомненно, и нужно, и важно.

1954–1959 г. – **университет**, историко-филологический факультет. В то уже далекое от нас время ни у молодежи, ни у родителей не было никаких сомнений в необходимости иметь хорошее образование. Света и училась с полной отдачей сил, причем не только в университете, но и в кружке по изучению живописи при музее им. И. Н. Крамского, куда начала ходить еще школьницей. И всюду Светлану Николаевну окружали неординарные личности. Среди соучеников по факультету – Лев Ефремович Кройчик, Вельмира Ивановна, тогда еще не Дьякова, Толя Дьяков, тогда еще не ее муж, Владимир Иванович Гусев, Людмила Трофимовна Тукузина и многие другие. Ярким, чтобы не сказать звездным, был и преподавательский состав. Светлана Николаевна училась у представителей того научно-педагогического десанта, который (в большинстве случаев не по своей, или не совсем по своей, воле) в конце 1940-х высадился в Воронеже и придал существенный импульс развитию университетской жизни: А. М. Абрамов, С. Г. Лазутин, П. Г. Богатырев, П. А. Бороздина и, конечно, Алла Борисовна Ботникова, которая стала для Светланы Николаевны подлинным Учителем. Уже на 2 курсе под руководством Аллы Борисовны студентка Филюшкина начала заниматься темой «Байрон и Пушкин», к которой неоднократно возвращалась в последующем.

В студенческие же годы Светлана обрела любовь всей своей научной жизни – английского писателя Г. Грина. О его творчестве она писала дипломную работу, затем – кандидатскую диссертацию, которую защитила в МГУ. Свидетельством больших заслуг в изучении романистики Г. Грина и высокого авторитета профессора Филюшкиной в этой области стало приглашение написать комментарии к 6-томному собранию сочинений Г. Грина (М.: Художественная литература, 1992–1996). (На примере этого издания также можно проследить связь со спецификой эпохи: тираж тома 1 (1992) – 230 тыс. экз., тираж тома 6 (1996) – 20 тыс.). Одним из последних «плодов» этой любви длиною в жизнь, стала монография Светланы Николаевны «“Нет, не песчинка!” Размышления над романами Грэма Грина» (2010).

После окончания ВГУ наша героиня работала в отделе пропаганды газеты «Молодой комму-

нар». 1959–1962 г. – время яркое, страна, воспрянувшая после тяжелых военных лет, неудержимо рвется вперед. Светлана Николаевна помнит радость, царившую в редакции в день полета Гагарина, но помнит и кукурузоводческую кампанию, и вызов в обком комсомола «на ковер», когда в подготовленном ею материале о знатной колхознице Долинюк при наборе была допущена ошибка, вместо «кукурузовод» в газете появилось «кукурузовор». Дежурному по номеру и корректору дали по выговору, Светлана Николаевна «отделалась» тем, что ей поставили на вид.

1950–1960-е гг. – это ведь и время XX и XXII съездов партии, время развенчания и критики культа личности Сталина. Эти события стали потрясением для многих – но не для Филюшкиной. В ее семье преступления «вождя народов» никогда не были тайной. Светлана Николаевна помнит, как в восьмилетнем возрасте услышала от мамы «Сталин всех сажает». Ребенок рос, как характеризует это сегодняшняя умудренная жизнью Светлана Николаевна, в атмосфере репрессий и насильственной коллективизации.

Работа в газете – это и командировки в районы, когда от села к селу нередко приходилось добираться пешком, и ночевки в Домах колхозника, давно исчезнувших из нашей жизни, но столь характерных для той эпохи, и встречи с самыми разными людьми. Это, наконец, и необходимость принять судьбоносное решение – вступить в КПСС, переходить в «Коммуну» и делать карьеру советского журналиста или...

Случилось (по счастью, как мы теперь можем констатировать) ИЛИ.

В 1962 г. А. Б. Ботникова позвала свою бывшую дипломницу на работу в университет. На только что открывшемся отделении РГФ надо было преподавать зарубежную литературу. В первый же год молодой преподаватель С. Н. Филюшкина читала лекционные курсы едва ли не по всем периодам – от античности до Золя, 262 часа аудиторной нагрузки. Количество подготовки, которое для этого требовалось, поражает воображение даже издавших виды вузовских преподавателей. Поразило оно в свое время и ректора, который упомянул этот факт в своей «тронной речи» как отрицательный пример перегрузки начинающего педагога. Выдержать 262 часа в первый год работы, причем выдержать достойно, под силу немногим. Светлана Николаевна выдержала, да еще нашла в себе внутренние резервы для занятий наукой, сдала экзамены кандидатского минимума и в 1966 г. поступила в аспирантуру МГУ, где занималась изучением творчества Г. Грина под руководством профессора Валентины Васильевны

Ивашевой. И снова – черта эпохи и черта личности нашей героини Филюшкиной : благодарность своей наставнице аспирантских лет Светлана Николаевна сохранила на всю жизнь. В. В. Ивашева ушла из жизни за год до того, как ее ученица защитила докторскую. Но до самых последних месяцев ее жизни Светлана Николаевна всегда ей писала, звонила, навещала, когда ездила в Москву.

С 1962 г. и по сей день С. Н. Филюшкина – знаковая фигура на филологическом факультете ВГУ. Здесь она прошла путь от преподавателя до профессора и заведующего кафедрой. Здесь встретила бурные годы перестройки с надеждами и их крушением, здесь прожила смутные девяностые, всегда интересуясь и эмоционально переживая всё, что происходило со страной, университетом, факультетом.

Возвращаясь к началу нашей статьи, вспомним «расу, среду, момент» И. Тэна, идею о том, что изменения в обществе вызывают изменения в искусстве. С нашей точки зрения, идеи Тэна относятся не только к зависимости искусства от выделенных им факторов, но и к истории их осмысления. В течение десятилетий, в которые проходила научная жизнь Светланы Николаевны, сменяли друг друга литературоведческие моды. После отказа от марксистско-ленинской методологии наша наука о литературе попадала в разные воды. То мы все дружно увлекались Бахтиным, то Лотманом, потом пришло время Р. Барта, Ю. Кристевой, постмодернизма, нарратологии, культурных кодов. Светлана Николаевна не оставалась в стороне от новых веяний, о чем свидетельствуют как ее собственные работы, так и научные темы, по которым защищали диссертации руководимые ею аспиранты. Но при этом она всегда оставалась верна урокам, полученным от учителей, прежде всего от А. Б. Ботниковой: изучение эпохи и личности творца, кропотливая работа с текстом, вни-

мание к художественной детали, выверенность и аргументированность выводов.

Завершая рассуждение о личности и времени, хочу подчеркнуть, что многие детали пришлось опустить. Пересказ «Личного листка по учету кадров», а также книги С. А. Попова «Филологический факультет ВГУ: прошлое, настоящее, будущее» [3] не входил в наши задачи. Не входило в них и создать полную биографию профессора С. Н. Филюшкиной, что будет сделано в мемуарах, над которыми наша героиня сейчас работает. Скромная задача настоящей работы заключалась в том, чтобы выявить и подчеркнуть те моменты жизненного пути Светланы Николаевны, которые, с одной стороны, характеризуют эпоху. А с другой – повлияли на формирование личности СН, создали сегодняшнюю СН такой, какой мы ее знаем.

Насколько удалось эту задачу выполнить – судить читателям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С.* Добрый Плутарх рассказывает о героях, или счастливый брак биографического жанра и моральной философии / С. Аверинцев. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/aver/dobr_pl.php

2. *Тронский И. М.* История античной литературы / И. М. Тронский. – Изд. 5-е, испр. – М. : Высшая школа, 1988.

3. *Кирнозе З.* Литература и методы ее изучения. Системный и синергетический подход : учебное пособие / З. Кирнозе, В. Зусман [и др.] – Режим доступа: <http://profilib.com/chtenie/38357/zoya-kirnoze-literatura-i-metody-ee-izucheniya-sistemnyy-i-sinergicheskij-podkhod-9.php>

4. *Попов С. А.* Филологический факультет ВГУ : прошлое, настоящее, будущее / С. А. Попов ; под ред. В. М. Акаткина. – Воронеж : Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2001. – 248 с.

Воронежский государственный университет

Попова М. К., доктор филологических наук, профессор

Тел.: 8 (473) 220-83-53

Voronezh State University

Popova M. K., Dr. Habil. in Filology, Professor

Tel.: 8 (473) 220-83-53